

НИКОЛАС ГУДРИК-КЛАРК

**ОККУЛЬТНЫЕ
КОРНИ НАЦИЗМА.
КОГДА ЛЕГЕНДЫ
СТАНОВЯТСЯ
БЫЛЬЮ**

Николас Гудрик-Кларк
Оккультные корни
нацизма. Когда легенды
становятся былью
Серия «Взлёт и падение
Третьего рейха»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=145830

Оккультные корни нацизма. Когда легенды становятся былью /

Николас Гудрик-Кларк.: Евразия; Москва; 2019

ISBN 978-5-907024-78-6

Аннотация

История зарождения Третьего рейха – зловещий и трагичный пример того, как мрачный и жестокий «воображаемый мир, мир духов, мифов и волшебства» способен оказать ключевое влияние на принятие политических решений, формируя государственную идеологию.

О том, как это происходит, подробно рассказал Николас Гудрик Кларк – британский религиовед, директор Центра изучения западной эзотерики (EXESES0) при Школе

гуманитарных и социальных исследований Эксетерского университета.

Содержание

Предисловие к изданию 1993 года	5
Часть первая	20
Глава 1. Образ пангерманизма	20
Глава 2. Оккультное возрождение Германии (1880–1910)	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Николас Гудрик-Кларк Оккультные корни нацизма. Когда легенды становятся былью

Предисловие к изданию 1993 года Спуск в «подземелья истории» (анонс серии)

Книгой Николаса Гудрик-Кларка «Оккультные корни нацизма» издательство «Евразия»¹ открывает серию под общим названием «Подземелья истории»². Что кроется за этим? Очередная попытка коммерческой эксплуатации тайн, «национал-оккультизма», личные пристрастия издателей к такого рода литературе, которую автор данной книги называет «сенсационной», или же уверенное прокладывание издательского курса в русле отнюдь не массового интереса ко второму, тайному плану истории, не сводимому к фантази-

---

¹ Издательство «Евразия» из Санкт-Петербурга впервые опубликовало эту книгу на русском языке в 1993 году. – *Прим. ред.*

² В этой серии была издана лишь данная книга. – *Прим. ред.*

ям чудаков и бреду параноиков?.. Скорее последнее. Мы живём во время тектонического сдвига бытийных пластов, который позволил Николаю Бердяеву написать в 20-е годы нашего века о наступлении новой эпохи – «Нового Средневековья». «Новое Средневековье» означает возвращение хорошо забытого, но не умиравшего старого, всего, что под углом зрения новоевропейского разума считалось архаичным и вообще не существующим, что было изгнано за рамки научной картины мира, что было заклеено плоскими умами эпохи Просвещения как инквизиторские суеверия и мрачные предрассудки. На какое-то время закрылось религиозное измерение жизни, и за прошедшие века человечество разучилось верить в Бога и дьявола, невидимый мир, добрые и злые духовные иерархии, исчезло религиозное освещение власти и живы, однако, до сих пор тайные ложи и ордена. Между тем, по всем приметам, «Новое Средневековье» носит уже скорее не христианский, но антихристианский характер. И ландшафт двадцатого столетия с его магматическими прорывами иррациональных подземных сил, выплеснувшихся в таких ужасающих течениях, как большевизм и фашизм, с их человеконенавистничеством и богоборчеством, с гротесковыми мифологическими обликами, весьма отличается от идиллических пейзажей просвещённо-позитивистских, рационально-очеловеченных столетий. Мы снова, в предчувствии вселенских катастроф, перед угрозой неограниченного манипулирования личностью, в том числе и магически-

ми средствами, на волне оживления синкретических религий и оккультизма, в бытовом окружении модернизированного колдовства и ведовства, при последнем издыхании агонизирующего в лихорадочном смешении стилей, религий и наций столетия, страшимся потерять последнюю надежду на построение благополучного будущего. Мы живём в России, которая ярче всего в истории демонстрирует невозможность замкнуться лишь в человеческом, только человеческом измерении, устранить причастность своей судьбы борьбе таинственных сил метаистории, духовных сил добра и зла. И для того, чтобы не потерять себя в либерально-рыночной стихии, очутившись в экзистенциальной невесомости, не различая, где верх и низ, добро или зло, или, наоборот, не оказаться одержимыми призраками национал-оккультизма, воплощёнными в каком-нибудь харизматическом лидере (и будет уже поздно, когда наши голоса потонут не в хоре, но в рёве очередного исторического обвала), мы должны взглянуться в мерцание тайны на грани истории не только академическим, либерально-позитивистским, близоруко профессорским взглядом сквозь сильные очки, видящим в исторических фигурах и зловеще-могущественных движениях лишь результаты болезненных фантазий, родившихся на почве социального недовольства. Наоборот, умными и вечно удивлёнными глазами сквозь призму своего рода «исторической демонологии» в соответствии с канонами нового средневековья мы должны посмотреть на просвет тайны в мельтешении

нии деятелей и событий. Ведь и мания, бывшая одерживающей человека силой духом, лишь в последние века стала содержанием психики. Будем внимательны, и мы увидим, как, например, «бесноватый фюрер» в рассказах очевидцев предстаёт не столько как марионетка тех или иных заинтересованных кругов, сколько как великий посвящённый, чёрный маг, обладающий огромными силами гипноза и инспирируемый демоническими силами (вспомним, хотя бы, слова одного из приближённых о впечатлении присутствия за Гитлером «целой электростанции», как бы накачивающей его энергией), свидетельство, приводимое в книге французских авторов Повеля и Бержье). Собирая подобные свидетельства и симптомы, мы сможем заметить и в современной действительности моменты массового или индивидуального медиумизма, одержимости, научиться, по словам ап. Павла, «различению духов».

И научившись, не быть увлечёнными в бездну чьей-нибудь чёрной «волей к власти» подобно одержимому стаду хрюкающих животных из новозаветной притчи. Тем более не случайны наблюдения современного теоретика инквизиционного подхода к явлениям истории Георгия Климова, связывавшего «волю к власти» с целым букетом традиционно-демонических черт: со склонностью к колдовству, невозможностью любить, дурной наследственностью и аномалиями пола. Не наблюдаем ли мы в описаниях жизни большевистских или нацистских вождей преизбыточной энергично-

сти, как бы распирающей рамки личности, медиумического автоматизма речи и письма, гениального размаха злых деяний и личной пошлости одновременно. Ведь Дьявол не только Мефистофель, но и пошлый чёрт из «Братьев Карамазовых». И перед лицом дехристианизации мира перед нами откроются в свете массовой одержимости не только миновавшие человеческие бури и смуты, более страшные, чем те, которые похоронили средневековую инквизицию (Старое Средневековье). Действительно, что общего между декадентскими настроениями начала века, оккультизмом и тайными ложами, политическими движениями типа фашизма и большевизма и христианской апокалиптикой? По-видимому, наша эпоха Ч не просто «сумерки богов», но и возвращение демонов. Однако общий термин, позволяющий характеризовать духовную ауру явлений эпохи, уже найден русскими философами XX века. Как неоязычество они охарактеризовали тот поток изменений, который захлестнул бывлой христианский Запад, довершив обезбожение современного человечества. Освобождение от веры и христианское Откровение и постепенная секуляризация всех сфер жизни, деморализация и сексуальная революция, оккультизм и увлечение восточными культами, вера в бессознательные силы (психоанализ), владеющие человеком, прорыв языческого национализма и воинствующего антихристианства. Тем же термином можно определить и современный шизофренический ажиотаж вокруг контактов с НЛО и экстрасенсов.

Связь между сообщениями инопланетян и психиатрической симптоматикой очевидна, однако духовный мир не терпит вакуума и в новейших квазирелигиозных феноменах угадывается веяние духа зла, древнего змия. Все эти компоненты «неозячества», в сущности, прямого медиумизма в отношении демонических сил, устремлены к виднеющемуся на историческом горизонте интеррелигиозному и трансгосударственному вавилонскому всесмешению в царстве антихриста. Традиции тайных обществ и оккультные увлечения лидеров Третьего рейха, кровавые ритуалы и амбиции национал-оккультизма должны образовать перед духовно зрячим читателем сплошной поток «подземной истории», по отношению к которому книги – лишь береговые вехи, маяки и указательные знаки.

Либеральное мировоззрение духовно слепо и пусто, а национал-оккультистская вера в магические силы земли и крови заслоняет Абсолютный предмет всякой веры, обессиливая народы перед лицом обезбожения и всесмешения. Бессодержательность или исцеление у ног Христа – вот подлинная дилемма современного больного мира.

Итак, человеку «Нового Средневековья», духовно прозревающему посреди мировой ночи, посвящаем и адресуем мы нашу серию.

Это необычная история. Хотя речь в ней идёт о событиях прошлого, связанных с происхождением идеологии национал-социализма в Германии, её настоящий предмет – не

партии, политические взгляды и организации, через которые люди рационально выражают свои интересы в социально-политической сфере. Скорее, это глубинная история, связанная с мифами, фантазиями и символами, которые наложили свой след на развитие реакционного и авторитарного мышления Наци. В той же мере она находится за краем традиционной политической истории, поскольку основные её черты – мистические, пророческие и сектантские – имеют мало общего с внешней реальностью политики и управления. Но дело в том, что люди, наделённые богатым воображением и способные описывать воображаемый мир, часто определяют чувства и поступки людей внешнего мира, занимающих ключевые позиции у власти и несущих политическую ответственность. И в самом деле, немислимые идеи и тайные культы предвосхитили политические учения и учреждения Третьего рейха.

Историкам, занимающимся лишь исследованием конкретных событий, причин и разумных целей, этот ад фантазии может показаться безумием. Они могли бы доказать, что политические и исторические сдвиги определяются только реальными, материальными интересами. Однако и фантазии могут достигать силы причин, если закрепляются в убеждениях, предрассудках и ценностях социальных групп. Фантазии также являются важным симптомом надвигающихся изменений в политике и культуре. Особого рода фантазии, рассмотренные в этой книге, созрели внутри крайне правого

крыла политического спектра и касались создания аристократической элиты, искоренения ущербных существ и установления нового мирового порядка. Истоки этого движения лежат в стороне от основного русла рациональной политики XX века, и выяснение их природы требует иных, более глубоких источников вдохновения. Анализ фантазий, породивших такое движение, может дать новые ответы на старые вопросы. Настоящее исследование представляет собой исторический обзор биографий, доктрин и культовой практики ариософов, Гвидо фон Листа (1848–1919) и Йорга Ланца фон Либенфельса (1874–1954), а также их последователей в Австрии и Германии. Ариософы, начавшие свою деятельность в Вене, незадолго до Первой мировой войны, соединили народнический (volkisch) немецкий национализм и расизм с оккультными идеями, заимствованными из теософии Елены Петровны Блаватской, – с целью предсказания и оправдания грядущей эры немецкого мирового порядка. В их работах описывался доисторический золотой век, в котором мудрые хранители знания толкуют оккультно-расовые учения и управляют расово-чистым обществом. Они утверждали, что существует враждебный заговор антигерманских сил (такowymi считались все неарийские расы, евреи и даже ранняя Церковь), стремящийся разрушить идеальный немецкий мир, освободив негерманскую чернь для фальшивого равенства незаконнорождённых. История, с её войнами, экономическими кризисами, политической неопределённостью

стью и ослаблением власти германского начала, изображалась ими как результат расовых смешений. Для противостояния современному миру ариософы основывали множество тайных религиозных обществ, посвящённых возрождению утраченного эзотерического знания и расовых достоинств древних германцев, созданию новой всенемецкой империи.

Ариософы были культурными пессимистами. Очевидна связь между их фантазиями и разочарованиями немецких националистов в Габсбургской империи Австро-Венгрии на исходе XIX в. Стремительная урбанизация и индустриализация, конфликт славянских и немецких интересов в многонациональном государстве, католицизм, возникновение австрийского движения пангерманизма под руководством Георга фон Шёнерера, мода на социальный дарвинизм и его расистские выводы также существенно определяли мышление ариософов. Оккультизм в их доктринах играл весьма существенную роль сакрального оправдания их крайних политических позиций и глубокого неприятия действительности. Фантазии ариософов фокусировались в идеях элитарности и чистоты, в тысячелетних образах золотого будущего нации.

Это введение должно подготовить почву для детального изучения ариософии, возникшей в XIX в., в переплетении национализма, антилиберализма, культурного пессимизма и расизма. Нашей точкой отсчёта станет народническое (*volkisch*) движение, объединившее эти концепции в приемлемую идеологическую систему. В своих исследо-

ваниях народнической идеологии Джордж Л. Мосс отмечал духовные коннотации слова «volk». В XIX в. для немцев этот термин значил много больше, чем буквальный его перевод словом «народ»: оно означало национальное единство, одушевляемое общей творческой энергией. Предполагалось, что эти метафизические качества определяют уникальный культурный статус немецкого народа. Идеологическую окраску слово «volk» получило по двум причинам: во-первых, эта культурная ориентация была результатом крайне медленного объединения Германии; во-вторых, она была связана с широко распространившейся романтической реакцией на современность.

Раздробленность Германии проявлялась в мозаике маленьких королевств, княжеств, герцогств, составлявших вместе с более крупными государствами, Пруссией и Австрией, Священную Римскую империю германской нации, вплоть до её формального распада в 1806 г. После поражения Наполеона положение резко изменилось. Возникла свободная Немецкая конфедерация, и государствам, входящим в её состав, была предоставлена возможность независимого развития. Если итоги Венского конгресса в 1815 г. разочаровали немецких националистов, то после революции 1848 г. рухнули все их надежды. Ввиду затруднений в движении к политическому объединению, немцы напряжённо искали национального единства в культурной сфере. Это стремление обнаружилось ещё в конце XVIII в., когда писатели преддро-

мантического движения «Буря и натиск» обрели немецкую верность себе в народных песнях, обычаях и старой литературе. Идеализированный образ средневековой Германии взывал к духовному единству, если уж политические его формы не были достигаемы. Этот упор на прошлое и традиции придавал причинам объединения глубоко мифологический характер.

Когда Бисмарк провозгласил прусского короля немецким кайзером нового Второго рейха в 1871 г., многим казалось, что национальное единство наконец победило. Однако новое государство быстро разочаровало значительную часть немцев. Напряжённое ожидание единства питалось утопическими и мессианскими настроениями, которые не могли быть удовлетворены прозой реальности общественного управления и дипломатии. Повсюду чувствовалось, что политическое объединение под началом Пруссии не принесло с собой того патетического национального самосознания, которого с такой силой жаждали. Кроме того, новый Рейх лихорадочно был озабочен созданием промышленности, строительством городов, а этот процесс выглядел весьма материалистическим, и более того – он разрушал патриархальную крестьянскую Германию, излюбленную идиллию романтических грёз о немецкой подлинности. Средневековая фигура кайзера и его современные броненосцы, модерновый стиль архитектуры символически воплощали напряжение между старым и новым во Втором рейхе. На дворцовое великолепие

и помпезность уличных фасадов надвигались реалии индустриальной революции.

Исключение Австрии из нового, объединённого Пруссией Рейха, огорчило националистов в обеих странах. Но Бисмарк строил усиление Пруссии на военном поражении Австрии, чем вызвал её уход от немецких дел. Позиция немецких националистов в Австро-Венгрии с этого момента становится затруднительной. В 1867 г. венгры получили политический суверенитет внутри двойного государства. Рост пангерманского движения в Австрии в последующие десятилетия отразил проблему австрийских немцев в государстве, состоящем из них и славян. Их программа предлагала отделение немецких провинций Австрии от многоязычной империи Габсбургов и включение их в новый Рейх, невзирая на границы. Этот план и был до конца осуществлён позднее – присоединением Австрии к Третьему рейху в 1938 г.

Народническая идеология включала в себя также и общую реакцию на современность. Германия и Австро-Венгрия сильно отставали в развитии от западных экономик. Сохранение докапиталистических отношений и учреждений в этих странах свидетельствовало о том, что модернизация явилась бы насильем в отношении к людям, всё ещё связывавшим себя с традиционным, сельским укладом. Многие презирали новое, поскольку растущие города, появляющиеся как грибы, заводы разрушали сложившиеся сообщества и лишали людей чувства безопасности и надёжности. Ли-

берализм и рационализм также отвергались, поскольку они стремились демистифицировать освящённые временем порядки, разоблачить привычные авторитеты и предрассудки. Эта ненависть к современности присутствует в трудах трёх основных немецких националистических пророков: Пауля де Лагарда, Юлиуса Ланге и Артура Мёллера ван ден Брука. Расизм и элитаризм составляли основное содержание народнической идеологии. Факт расовых различий использовался для утверждения необходимости разделять по качествам нации на высшие и низшие. Антропология и лингвистика предлагали практические стандарты для классификации рас, и эти стандарты стали главным элементом в идеологических восхвалениях германской расы. Внутренние моральные качества связывались с внешними характеристиками расовых типов: поскольку арийцы (и германцы тем самым) были голубоглазы, светловолосы, высоки и хорошо сложены, они оказывались также благородными, наделёнными чувством чести, отважными. Дарвинистская идея эволюции через борьбу видов также использовалась для того, чтобы доказать, что высшие чистые расы должны доминировать над смешанными, низшими. Расистское мышление способствовало возникновению антисемитизма. Консервативный гнев на разрушительные следствия экономических изменений обретал выход в поношении евреев, на которых взваливалась вина за упадок традиционных ценностей и порядков. Расизм указал на то, что евреи не являются религиозным сообществом, но

биологически отличаются от других рас.

Политические корни ариософов уходят в народническую идеологию конца девятнадцатого столетия и движение пангерманизма в Австрии. Их консервативная реакция на национальные проблемы и на современную действительность имела в виду образ всегерманской империи, в которой негерманские национальности и низшие классы были бы лишены всех прав представительства и возможностей саморазвития. Но если теории арийско-германского превосходства, антилиберализм и озабоченность социальным и экономическим прогрессом были местом народнической идеологии, то оккультизм не был ей свойственен и представлял собой нечто новое. Задача оккультизма состояла в том, чтобы подтвердить живые смыслы устаревшего и хрупкого социального порядка. Идеи и символы античной теократии, тайные общества, мистическое знание розенкрейцеров, каббализм и франкмасонство были втянуты в орбиту народнической идеологии с целью доказать, что современный мир основывается на ложных принципах зла, и описать ценности и законы идеального мира. Эта опора на полурелигиозный материал ясно показывает, насколько ариософы нуждались в патетических убеждениях, насколько вера была нужна им для построения человеческого общества: они были слишком разочарованы в современном мире.

Как романтики и поклонники золотого века, ариософы стояли в стороне от практической политики, но их идеи и

символы проникали в отдельные антисемитские и националистические группировки поздней кайзеровской Германии, из которых после Первой мировой войны в Мюнхене возникла нацистская партия. Наша задача состоит в том, чтобы проследить, как распространялась ариософия в личных контактах и литературных влияниях. Мы также изучим возможность влияния Листа и Ланца фон Либенфельса на Адольфа Гитлера в его предвоенные годы в Вене. Ариософия созрела в маленьких кружках, пропагандировавших расистские тайные культы в период Веймарской республики и живших верой в национальное возрождение. По меньшей мере два ариософа были тесно связаны с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером в 1930-е гг., работая с ним над проектом истории, церемониальными обрядами СС, и даже были причастны к его визионерскому плану Великого германского рейха в третьем тысячелетии. В этой книге мы намерены показать, как фантазии ариософии, покидая пределы культурной ностальгии, высвечивают первоначальный воображаемый мир Третьего рейха.

Часть первая

Предпосылки

Глава 1. Образ пангерманизма

Австрийское государство, в котором Лист и Ланц достигли зрелости и впервые сформулировали свои идеи, было результатом трёх крупных политических перемен, произошедших в конце 1860-х гг. Эти изменения состояли в выходе Австрии из Германской конфедерации, административном отделении Венгрии от Австрии и установлении конституционной монархии в «Австрийской», или западной, части империи. Конституционные метаморфозы 1867 г. положили конец абсолютизму и ввели представительное правление, удовлетворив требования классических либералов; император с этого момента разделил свою власть с двухпалатным парламентом, в выборах которого из-за ограниченного права голоса (существовало 4 разряда голосующих) участвовало примерно 6 % населения. Демократическому крылу либерализма, требовавшему свободы мысли и ставившему под сомнение действующие институты, противостояла его ранняя олигархическая форма. В результате этой борьбы произошло резкое падение парламентского веса партий традиционного

либерализма и подъём партий, представлявших радикальную демократию и национализм, эта тенденция была подтверждена введением в 1896 г. пятого избирательного разряда. Развитие в этом направлении определённо благоприятствовало появлению пангерманизма как крайней парламентской силы.

Другие политические сдвиги в Австрии касались её территориального и этнического состава. Отделённые одновременно от Германии и Венгрии, земли австрийской части империи образовали территорию в виде полумесяца, простирающуюся от Далматии на Адриатическом побережье через наследственные земли Габсбургов – Корниолы, Каринции, Штирии, Австрии, Богемии, Моравии – до восточных провинций Галиции и Буковины. Географическая нелепость этой территории соединялась с тем фактом, что в её пределах жили десять различных национальностей. Национальность в Австрии определялась преимущественно языком, на котором говорили люди. Большинство немцев – около 10 млн в 1910 г. – жили в западных провинциях государства и составляли около 35 % от 28 млн жителей. Кроме немцев в Австрии проживали 6,4 млн чехов (23 % всего населения), 5 млн поляков (18 %), 3,5 млн украинцев (13 %), 1,2 млн славян (5 %), 780 тыс. сербохорватов (3 %), 770 тыс. итальянцев (3 %) и 275 тыс. румын (1 %). Структура национальностей в провинциях государства указывает на драматическую сложность этнических взаимоотношений: преобладание различ-

ных народов от одной провинции к другой меняется; если в некоторых провинциях немцы составляют отчётливое большинство, то в других они противостоят преобладанию другой нации, а в третьих – просто являются народом среди народов.

После прусско-австрийской войны 1866 г. австрийские немцы вышли из Немецкой конфедерации и были вынуждены существовать как одна из многих национальностей империи Габсбургов. В условиях нарастающей демократизации некоторые австрийские немцы начали опасаться, что первенство немецкого языка и культуры в империи, законы, действующие с конца XVIII в., будут поставлены под сомнение другими национальностями государства. Этот конфликт между немецкой национальностью и австрийским гражданством часто обострялся беспокойством относительно славянского или латинского распространения, ведущего к появлению двух практически связанных форм национализма, отличных от немецкого. Народно-культурный национализм, связанный с пробуждением национального самосознания среди немцев, особенно в крупных центрах и тех провинциях, где смешались разные народы, выразился в создании образовательных Лиг и Лиг защиты (ферейнов), цель которых состояла в сохранении немецкой культуры и укреплении немецкой идентичности. Пангерманизм был более политичен, он больше приспособлялся к меняющимся условиям, чем защищал немецкие интересы. Он возник как сим-

вол веры маленького немецкого сообщества в Австрии, отказавшегося признать неизменным отделение её от остальной Германии в 1866 г. и намеренного восполнить этот разрыв немецкого единства единственным способом, возможным после победы Бисмарка над Францией в 1870 г.: присоединением (Anschluss) того, что они называли Германно-Австрией – тех провинций, которые входили в Немецкую конфедерацию с 1815 по 1866 г., – к бисмарковскому Рейху, даже если бы этот союз означал разрушение монархии Габсбургов. Эта идея превращения Германно-Австрии в провинцию Немецкого рейха получила название Kleindeutsch (малого немецкого) национализма в противоположность Grossdeutsch (великому немецкому) единству под началом Вены, концепции, которая потеряла смысл после 1866 г.

В 1885 г. множество народных фереинов действовали в провинциях и в Вене. Они занимались исследованием и ритуализацией событий и символов немецкой истории, литературы и мифологии; и совмещали такие формы общественной жизни как хоровое пение, гимнастика, спорт, восхождение на горы с национальными (volkisch) ритуалами. В 1886 г. союз фереинов (Germanenbund) был основан в Зальцбурге Антоном Лангтаснером. Фереин, членствующий в Союзе, должен был участвовать в немецких фестивалях, установленных специальным немецким календарём, и, невзирая на классы, переживать чувство общности немецкой нации. Социальной базой движению служили провинциальная интеллигенция и

молодёжь. Правительство с осторожностью относилось к такой форме национализма, и действительно Немецкий союз был распущен в 1889 г. и возник вновь уже в 1894 г. как Союз немцев.

В 1900 г более чем 160 ферейнов принадлежали Союзу, разбросанные в Вене, Нижней Австрии, Штирии, Каринции, Богемии и Моравии. Известно, что существовало примерно такое же количество незарегистрированных ферейнов; возможно, что от 100 до 150 тысяч человек были серьёзно затронуты их пропагандой. Лист сформулировал свои идеи и политическую позицию преимущественно в этой среде. В 1870—80-х гг. он писал для журналов движения; он посещал ферейн «Немецкий дух» и *Deutscher Juvverein*, гребной клуб *Donauhort* в Вене и ферейн «Немецкий дом» в Брно; активно участвовал в фестивалях Союза немцев в 1890-х гг. Только через эту жизнь ферейнов в последние десятилетия века можно понять воодушевление и пафос его националистических романов и пьес в доокультурной фазе его творчества между 1880 и 1900 гг.

Движение пангерманизма возникало и как выражение юношеских идеалов студенческих братств Вены, Граца и Праги 1860-х. Впервые возникшие в 1840-х гг., австрийские братства были построены по образцу немецких студенческих клубов периода *Vormorg* (консервативная эпоха между 1815 г. и буржуазной либеральной революцией марта 1848 г.), которые развивали традицию радикального нацио-

нализма, романтических ритуалов и тайны, черпая вдохновение из уроков Фридриха Людвиг Яна (1778–1852), народного проповедника атлетизма, немецкой подлинности и национального единства. Некоторые братства, возбуждённые проблемой немцев в Австрии после 1866 г., начали защищать Kleindeutsch национализм, то есть включение Германно-Австрии в Немецкий рейх. Они прославляли Бисмарка, аплодировали прусской армии и кайзеру Вильгельму I, носили голубые фиалки (считалось, что это любимый цветок Бисмарка) и пели «Die Wacht am Rhein» на публичных митингах и банкетах. Этот культ пруссофилии неизбежно вёл к торжеству силы и умалению гуманности и справедливости.

Георг фон Шёнерер (1842–1921) связал своё имя с этим движением, когда в 1876 г. в Вене объединил в союз братства Kleindeutsch. Без его вмешательства пангерманизм, быть может, остался бы только «тенденцией» среди политически наивных студентов, народников и рабочих группировок. Его идеи и темперамент, талант агитатора определили характер и судьбу австрийского пангерманизма, породив тем самым революционное движение, соединившее в себе народнический антикапитализм, антилиберализм, антисемитизм и пруссофилию немецкого национализма. Баллотировавшись впервые на выборах в рейхсрат в 1873 г., Шёнерер следовал радикально-демократической линии вместе с другими прогрессивными левыми. Это продолжалось до 1878 г. Затем он начал требовать экономического и политического союза Германно-Ав-

стрии с Немецким рейхом и с 1883 г. стал печататься в крайне националистической газете («Подлинное немецкое слово»). Сущность пангерманизма Шёнерера состояла, впрочем, не в требовании национального единства, политической демократии и социальных реформ (эту программу он разделял с убеждёнными радикальными националистами парламента), но в его расизме: в убеждении, что кровь – единственный критерий всех гражданских прав.

Движение пангерманизма стало заметной силой в австрийской политике середины 80-х гг., но затем угасло после осуждения Шёнерера в 1888 г. за изнасилование; лишённый всех политических прав на пять лет, он удалился от парламентской деятельности. Но не далее чем в конце 90-х гг. пангерманизм вновь достиг статуса народного движения. Это произошло в результате вызова, брошенного немецким интересам в империи. Многие, кто привык к немецкому господству в культуре, пережили шок, когда в 1895 г. правительство ввело славянские классы в исключительно немецких школах Корниолы. Этот незначительный спор имел для немецких националистов символический смысл, несоизмеримый с его практическими следствиями. Затем в апреле 1897 г. австрийский премьер граф Казимир Бадени предложил свой закон о языке, в соответствии с которым все служащие Богемии и Моравии должны были говорить на немецком и чешском языках; мера, явно направленная против немцев. Эти события спровоцировали взрыв националисти-

ческого возмущения в империи. Демократические немецкие партии и пангерманисты, не имея сил заставить правительство отменить закон о языке, блокировали деятельность парламента, и эта практика продолжалась вплоть до 1900 г. Когда последующие премьеры привели закон в исполнение, возмущение хлынуло из парламента на улицы больших городов. Летом 1897 г. кровавые конфликты между бунтующей толпой и полицией, даже армией, чуть не ввергли страну в гражданскую войну. Охраняя общественный порядок, полиция распустила сотни ферейнов. Во всех этих событиях – разрушение парламента, общественные беспорядки, немецкий шовинизм, избирательные кампании пангерманистов 1901 г. – можно усмотреть корни нового воинствующего настроения, свидетелем которому была возникающая ариософия.

Основной темой разнообразных политических протестов была попытка части австрийских немцев сопротивляться славянским претензиям на политическое и национальное самовыражение и вместе с тем стремление сохранить единство распадающейся, пережившей себя многонациональной империи Габсбургов. Отнюдь не все сторонники пангерманизма хотели экономического и политического союза Германно-Австрии с Немецким рейхом, как это предполагалось программой Шёнерера. Причины, по которым они поддерживали партию, часто сводились к желанию поддержать силами ферейнов немецкие национальные интересы внутри

империи. Поскольку в последнем десятилетии, куда ни бро- сишь взгляд, везде австрийские немцы могли видеть возрастающее влияние славян, что ставило под сомнение традици- онное преимущество немецких культурных и политических интересов: спор о школах, указ Бадени о языке, всеобщее из- бирательное право (окончательно введённое в 1907 г.) дове- ли до критической точки этот мучительный и неразрешимый вопрос. Австрийские немцы рассматривали эти политиче- ские меры как удар по немецкой собственности и ключевым позициям немцев в экономике. Первые статьи Ланца цели- ком посвящены проблемам универсального избирательного права и немецкого экономического господства (Besitzstand). И Лист, и Ланц осудили парламентскую политику и потре- бовали подчинения всех национальностей в империи немец- кому закону. Идеи ариософии были самым тесным обра- зом связаны с этим последним в XIX в. немецко-славянским конфликтом.

Выраженный антикатолицизм ариософии также восходит к влиянию пангерманизма. Несмотря на симпатию к народ- ному язычеству Немецкого союза, Шёнерер в 1890 г. на- чал размышлять о вероисповедной политике, при помощи которой он мог бы вступить в борьбу с католической цер- ковью; эту последнюю он рассматривал как чуждую герма- низму и опасную политическую силу. Император пользо- вался советами епископата, приходские священники созда- ли сеть эффективной пропаганды по всей стране, и хри-

стианская социальная партия лишилась прежней поддержки среди крестьянского и полугородского населения Нижней Австрии и Вены. Он думал, что обращение движения в протестантство поможет подчеркнуть в сознании немецкого народа связь славянства (после 1897 г. славян ненавидели и боялись миллионы) с католицизмом, династией и австрийским государством. Консервативно-клерикально-славянофильское правительство с 1897 г. действительно сделало вероятной и почти неизбежной неприязнь к католицизму. Многие немцы считали, что католическая иерархия носит антинемецкий характер, и в Богемии уже росло возмущение против чешских священников, которым давали немецкие приходы. С целью эксплуатации этих чувств в 1898 г. Шёнерер открыл свою кампанию по разрыву с Римом (проект *Los von Rom*).

Имея связи с протестантскими сообществами миссионеров в Германии, Шёнерер публично объединил движение пангерманизма с новым лютеранским движением, за которым стояло 30 тыс. протестантских обращений в Богемии, Штирии, Каринции и Вене между 1899 и 1910 гг. Союз, однако, остался непрочным: большинству ферейнов движение пришлось не по нраву, другие же пангерманисты осудили кампанию разрыва с Римом как вариант отжившего клерикализма. Что касается самих миссионеров, они весьма сокрушались, что политические оттенки обращения отпугивают многих религиозных людей, ищущих новую форму христи-

анской веры, тогда как те, кто руководится политическими мотивами, вообще не заботятся о религии. Показатель ежегодных обращений стал падать в 1902 г., а в 1910 г. вернулся к цифре, имевшей место до начала движения. Хотя движение касалось этнических границ, его социальная база определялась высококвалифицированным и торговым средним классом. Наибольший успех проекта Los von Rom поэтому совпал с успехом партии пангерманизма: проект не усилил пафоса пангерманизма, но и не ослабил католической церкви.

Хотя кампания разрыва с Римом в политическом смысле провалилась, она выдвинула на передний план антикатолические чувства, овладевшие австрийскими немцами в 1900-е гг. Это настроение было существенным элементом ариософии. Лист рассматривал католическую церковь в качестве основного противника в своих реконструкциях мифологического прошлого Германии. Он объединил клерикализм, консерватизм и австрийское правительство с его славянскими интересами, с 1879 г. ставшее злейшим врагом германизма, в Великую Интернациональную Партию. На эту несуществующую организацию возлагалась ответственность за все политические шаги против германских интересов в Австрии; все действия в этом направлении рассматривались как заговор католиков. По-видимому, Ланц также был подхвачен волной этих настроений. Он завершил своё цистерцианское послушничество глубокой антикатолической нотой (1899), присо-

единился к пангерманизму и вскоре обратился в протестантизм. Хотя проект *Los von Rom* был целью лишь промежуточного этапа на его пути к собственному расовому культу ариософии, всё же он обозначил важность пангерманизма для его идеологического развития.

Жизненно важным элементом для ариософского понимания национальных конфликтов и немецкого духа был расизм. Классическим источником по вопросу о превосходстве нордическо-арийской расы с пессимистическим предсказанием подчинения её неарийскими народами служили размышления Артюра де Гобино. И хотя его творчество не вызвало немедленного отклика, идеи его отозвались длительным эхом, множество пропагандистов иначе интерпретировали его выводы – в пользу грядущего торжества германизма. Когда социал-дарвинисты заговорили о неизбежности биологической борьбы в человеческом мире, то подразумевалось, что арийцы (или истинные немцы) не подвергнутся разрушительным влияниям этой войны, что они смогут противостоять угрозе распада и смешения, утверждая свою расовую неприкосновенность и чистоту. Необходимость войны рас и евгенической реформы нашла широкий отклик в Германии на исходе века: основные работы Эрнста Краузе, Отто Аммона, Людвиг Вильзера, Людвиг Вольтмана – все социал-дарвинисты – были опубликованы между 1890 и 1910 гг.

Выдающийся зоолог Эрнст Геккель, неоднократно предупреждавший об угрозе смешения рас, с целью популяриза-

ции расистской версии социал-дарвинизма среди немцев основал Монистическую лигу в 1906 г. Эти научные воплощения расизма, в формулах физической антропологии и зоологии придали силу и без того предвзятым мнениям народных националистов в Германии и Австрии. Лист заимствовал опорные расистские понятия из практики движения. Ланц сотрудничал со «Свободным словом», полуофициальным журналом Монистической лиги и с «Политико-антропологическим обзором» Вольтмана. Таким образом, огромная важность арийского расизма в ариософии, несмотря на её язык оккультных формул, может быть связана и с расистскими интерпретациями социал-дарвинизма в Германии.

Если некоторые аспекты ариософии связаны с проблемами немецкого национализма в империи Габсбургов конца XIX столетия, то другие её стороны имеют причиной особенности венской жизни. В отличие от этнически разнородных провинций Вена была традиционно немецким городом, коммерческим и культурным центром австрийского государства. Однако в 1900 г. стремительная урбанизация её окраин в соединении с притоком людей других национальностей сильно изменила её облик, а в некоторых центральных районах – и этнический состав. Старые фотографии красноречиво свидетельствуют о переменах венской жизни в конце XIX в. В 50-е гг. старый звездообразный вал принца Евгения был разрушен, чтобы дать место для новой Рингштрассе с её великолепными новыми дворцами и общественными

ми зданиями. Если сравнить облик Вены до и после произошедших метаморфоз, легко заметить утрату интимной, эстетической атмосферы королевской резиденции среди великолепных парков; её сменил жёсткий, монументальный стиль метрополии. Может быть, реагируя на новую Вену, Лист отвергал городскую культуру и прославлял средневековую сельскую идиллию.

Между 1860 и 1900 гг. население города возросло почти втрое, породив в результате серьёзный жилищный кризис. В 1900 г. не менее чем 43 % населения занимали помещения из двух комнат и менее, широко распространились бродяжничество и нищета. Одновременно с перенаселением и возникновением трущоб произошло крупное переселение евреев из Галиции. В 1857 г. только 6 тыс. евреев остались в столице, а в 1910 г. эта цифра возросла до 175 тыс., что составляло более чем 8 % всего населения города: на отдельные районы приходилось до 20 % временных жителей. Восточные евреи носили традиционный костюм и вели жизнь мелких торговцев или разносчиков. Немцы, озабоченные духом народа, определённо могли рассматривать это новое вмешательство как серьёзную угрозу этническому характеру столицы. В качестве примера такой реакции можно вспомнить описание Гитлером своей первой встречи с евреями во внутреннем городе. Озабоченность ариософов растущим преобладанием негерманских национальностей в Австрии наряду с такими местными переменами могли бы завершить пред-

варительное обследование проблемы.

Остаётся выяснить, каким образом ариософия впитала оккультные идеи популярной в Вене теософии. Хотя Теософское общество возникло там в 1886 г., немецкий перевод основного текста движения, «Тайной доктрины», был опубликован только в 1901 г. В 1900-х гг. можно было наблюдать целую серию немецких теософских публикаций. Но ариософские тексты (с 1907 г.) явно были связаны с европейской модой на теософию, в связи с чем нелегко было приписать специфически австрийское качество народническо-теософскому феномену. Мистические и религиозные спекуляции смешались также с псевдонаучными формами (социал-дарвинизм, монизм) народнической идеологии в Германии. Существенно и то, что многие ариософские авторы и сторонники общества Листа жили за пределами Австрии. Таким образом, хотя народнический расизм, антикатолицизм и ненависть к современности ариософии связываются со специфическими австрийскими факторами, вовлечение в её орбиту теософии указывает на более общий феномен. Не только венские ферейны, но и маленькие кружки нашли в новой доктрине «свежее» доказательство для собственных теорий арийско-германского превосходства. Особенная уместность теософии для оправдания элитаризма и расизма ещё будет обсуждаться в дальнейшем.

Сформулируем выводы: рождение ариософии в Вене связано с проблемами современности и национализма в импе-

рии Габсбургов начала века. Внешне всё ещё блистательная и преуспевающая, Вена была обращена в прошлое. Под давлением времени эта «старая, космополитическая, феодальная, крестьянская Европа» – всё ещё пульсирующая на землях империи – мягко и незаметно исчезала. Некоторые буржуа, особенно мелкие, остро ощущали угрозу прогресса, безумного роста городов и экономической концентрации. Эти тревоги усугублялись растущей враждебностью среди народов империи, разрушавшей и без того хрупкое равновесие многонационального государства. Подобные страхи стимулировали возникновение оборонительных идеологий, которые их сторонники предлагали как панацеи для мира под угрозой. То, что многие искали безопасности и стабильности в доктринах немецкой идентичности, было, в общем, нормальной реакцией на жизнь в сердце империи, этом тигеле народов. Описывая свои чувства к людям негерманского происхождения в современной ему Вене, Гитлер говорил: «Я нахожу смешение рас в имперской столице отвратительным. Этот базар чехов, поляков, венгров, украинцев, сербов и хорватов невыносим. Город кажется воплощением расовой нечистоплотности».

Кажется трагическим парадоксом, что насыщенное многоцветье народов Габсбургской империи, законность династической власти, одинаково расположенной ко всем, смогли породить расовую доктрину геноцида в наш век национализма и социальных метаморфоз.

Глава 2. Окультизм и возрождение Германии (1880–1910)

Окультизм берёт начало в религиозном типе мышления, корни которого уходят в античность и которое обычно характеризуется как западная эзотерическая традиция. Её необходимые составляющие – гностицизм, герметические трактаты по алхимии и магии, неоплатонизм и Каббала – возникли на востоке Средиземноморья в первые пять веков нашей эры. Собственно гностицизм связан с верованиями некоторых еретических сект в эпоху раннего христианства, они требовали обладания гнозисом или специальным эзотерическим знанием о духовных предметах. Хотя отдельные доктрины во многих аспектах отличались друг от друга, существовали две общие гностические темы: во-первых, восточный (персидский) дуализм, в соответствии с которым два мира Добра и Зла, Света и Тьмы, порядка и хаоса рассматриваются как независимые враждующие силы; и, во-вторых, убеждение в том, что материальный мир подвержен злу, так что человек может спастись, только достигая знания о высших сферах. Гностические секты исчезли в IV в., но их идеи воодушевили дуалистическую манихейскую религию (II в.) и герметическое движение. Греческие тексты были собраны в Египте между III и V вв., здесь был завершён синтез гностических идей, неоплатонизма и каббалистиче-

ской теософии. Поскольку эти мистические доктрины возникли на подвижной социальной и культурной почве, очевидно на связь между разрастанием сект и распадом стабильного сельскохозяйственного порядка поздней Римской империи.

В XV в. новые научные открытия и географические успехи уничтожили условия средневекового мира, гностические и герметические идеи пережили краткое возрождение. Выдающиеся гуманисты и учёные маги в период Ренессанса опубликовали старые классические тексты и тем самым заново создали корпус оккультных наук. Но после триумфа эмпиризма в научной революции XVII столетия подобные идеи сохранились лишь среди немногих любителей древности и мистиков. В XVIII в. эти неканонические религиозные и философские теории были определены как «оккультные», поскольку располагались на крайней периферии общепринятых форм знания. Впрочем, реакция на рационалистическое Просвещение приняла форму живого романтического интереса к Средним векам, стремления к тайне и способствовала оживлению оккультизма в Европе около 1770 г.

Германия гордилась своими известными учёными магами времён Ренессанса, а также сетью розенкрейцерских общин; теософия и алхимия процветали здесь между XVII и XIX вв. Однако позыв к неоромантическому оккультному возрождению возник не в Германии. Его скорее следует связать с реакцией на засилье материалистических, рационалистических и позитивистских идей в практических и промышленных

культурах Америки и Англии. Немецкое оккультное возрождение многим обязано популярности теософии в англо-саксонском мире в 1880-е гг. Здесь она имела выход на международное движение тайных обществ, связанное с именем Елены Петровны Блаватской (1831–1891), русской искательницы приключений и оккультистки. Её удивительная, полная событий и путешествий (1850–1860) жизнь, её способности к ясновидению и страсть к сверхъестественным феноменам, интерес к американскому спиритизму в 1870-е гг. повлекли за собой основание в Нью-Йорке в 1875 г. Теософского общества, с последующим перенесением его деятельности в Индию между 1879 и 1885 гг.; все эти события подробно описаны несколькими биографами. В основных моментах теософия как доктрина сформировалась здесь и в таком виде проникла в Центральную Европу.

Первая книга мадам Блаватской, «Разоблачённая Изида» (1877), мало напоминала очерк новой религии, но представляла собой бессвязные страстные тирады против рационализма и материализма современной западной цивилизации. Её обращение к традиционным эзотерическим источникам имело целью дискредитацию современных верований и делало очевидным преимущество древних религиозных истин перед мощной современной наукой и агностицизмом. В этом предприятии она руководствовалась также множеством вторичных источников, посвящённых языческой мифологии, тайным религиям, гностицизму, герметизму, за-

поведным знаниям ренессансных учёных, розенкрейцеров и прочих тайных братств. В.Е. Коулмэн указывал на то, что её работы часто являются компиляцией сотен современных текстов, посвящённых древним и экзотическим религиям, демонологии, франкмасонству и явлениям спиритизма. Но за всем этим многообразием традиций мадам Блаватская различала уникальный источник вдохновения: тайные знания древнего Египта. Её очарованность Египтом, убеждение в том, что именно там содержится ключ ко всякой мудрости, возникли благодаря её увлечению английским автором – сэром Эдвардом Бульвер-Литтоном. Его роман «Последние дни Помпеи» (1834) был задуман как повествование о культе Изиды в Риме первого века нашей эры. Более поздние работы, «Занони» (1842), «Странная история» (1862), «Грядущая раса» (1871), также были посвящены оккультным знаниям, эзотерическим обрядам, тайным братствам; всё это производило неотразимое впечатление на романтическую душу XIX века. Ирония ситуации в том и состоит, что ранняя теософия воодушевлена главным образом английской литературой, отчасти художественной, отчасти популярной и факт этот с очевидностью доказан сравнительными исследованиями Лильегрена.

Только после того как в 1879 г. мадам Блаватская и её последователи отправились в Индию, теософия приобрела более систематическую форму. В новой штаб-квартире Теософского общества в Мадрасе она написала «Тайную док-

трину» (1888). Эта работа подтвердила её склонность к компиляциям, но на этот раз в качестве источников ею были использованы современные труды по индуизму и последние достижения науки. Её новая книга выглядела как комментарий к сакральному тексту под названием «Строфы Дзиан», который автор имела случай видеть в подземном гималайском монастыре. Этот новый интерес к Индии свидетельствует о её высокой восприимчивости к переменам в научном мире: только что Франц Бопп и Макс Мюллер подчеркнули огромное значение санскрита в качестве основы для сравнительного изучения так называемых арийских языков. Источник мудрости сместился от Египта на Восток. Позднее концепция теософии обнаружит ещё большее сходство с принципами индуизма.

В «Тайной доктрине» содержалось описание Божественной деятельности от начала периода сотворения мира до его конца, процесс этот был признан циклическим, повторяющимся через неопределённые промежутки времени снова и снова. Это история о том, как возник настоящий мир, откуда, какие силы образовали его и придали форму, куда он идёт и что всё это значит. Первый том («Космогенез») охватывал собой общий план, в соответствии с которым первоначальное единство неявленного божества дифференцирует себя в многообразии сознательно развивающихся существ, которые постепенно наполняют мир. Божество обнаруживает себя впервые через эманацию и три следующих друг за

другом формы Разума: три космические фазы создают время, пространство и материю, и они символизируются в серии священных знаков индуизма.

Все последующие творения происходят в строгом подчинении божественному плану, проходя через семь кругов или эволюционных циклов. В первом круге мир определяется властью огня, во втором – воздуха, в третьем – воды, в четвёртом – земли, и в прочих – эфиром. Этот порядок отражает постепенное отпадение мира от божественной милости в первых четырёх кругах и его искупление в следующих трёх; это должно произойти прежде, чем всё вернётся к точке первоначального единства, для того чтобы начать новый большой круг. Мадам Блаватская иллюстрирует стадии космического цикла разнообразными эзотерическими символами, включая треугольники, трискелионы и свастики. Этот последний восточный знак удачи и плодородия был так популярен, что она включила его в проект печати Теософского общества. Исполнительное начало всего космического процесса получило имя Fohat, «универсальный посредник Детей Бога, призванный создавать и поддерживать наш мир». Обнаружениями этой силы, в соответствии с Блаватской, следует считать электричество и солнечную энергию, «объективированные мысли Бога». Эта электро-спиритуальная сила находилась, впрочем, в полном согласии со взглядами современной науки, по преимуществу виталистической.

Второй том («Антропогенез») пытается связать челове-

ка с грандиозной картиной космоса. Но только представление о человеке уходит здесь далеко за пределы античности, гораздо дальше, чем привыкла к этому наука; Блаватская пытается внедрить человека непосредственно в схему космического, физического и духовного развития. Её теории здесь частично имеют отношение к палеонтологии конца XIX в., приспособленной одновременно к расовой теории эволюции. Она сопровождает свою циклическую концепцию утверждением о том, что каждому кругу сопутствует падение и возвышение семи последовательных корневых рас, в первом – четвёртом круге они испытывают упадок духовного развития, всё более отдаваясь во власть материального мира (явное заимствование гностического представления об отпадении от Света во Тьму), в пятом – седьмом кругах высшие корневые расы поднимаются к свету. В соответствии с Блаватской настоящая человечность может быть создана только пятой корневой расой на планете, которая прошла через четвёртый космический круг, так что биологические виды на ней стоят перед возможностью духовного развития. Пятой корневой расой была названа арийская, ей предшествовала раса жителей Атлантиды, ушедшей под воду при затоплении Атлантического континента. Атланты были наделены неизвестными нам психическими силами, их гигантизм позволял им создавать циклопические строения, они владели развитыми технологиями, поскольку могли успешно использовать «Fohat». Три ранние расы настоящего планетного цикла бы-

ли протогуманоидами. Первая, астральная раса, возникла в невидимой и вечной священной земле; вторая, гиперборейцы, жила на исчезнувшем полярном континенте. Третья, лемурианцы, процветала на острове, затерянном в Индийском океане. Этой расе соответствовал самый низкий духовный уровень в эволюционном расовом цикле. Блаватская обвиняла лемурианцев в смешанных браках, размножении уродов и в других формах падения.

Другим важным теософическим убеждением была вера в реинкарнацию (перевоплощение) и карму, также заимствованная из индуизма. Человеческий индивид рассматривался как незначительная часть божественного существа. Идея реинкарнации обязывала всякого пуститься в космическое путешествие по кругам и корневым расам, которое привело бы его к окончательному воссоединению с богом, от которого он был оторван. Этот путь бесчисленных возрождений пишет историю постепенного искупления: за первоначальной никчёмностью лежит путь восхождения к точке, где индивид и Бог совпадают. Процесс реинкарнации исполняется в соответствии с принципами кармы: кто совершал добрые поступки – перевоплощается удачно, кто был зол – перевоплощается в ещё более низкие формы. Эта вера предполагала не только скитание каждого по фантастическим мирам бесконечно далёкой истории, но также заставляла задуматься о спасении, грядущем воплощении в высших расах, которые будут представлять наиболее высокие ступени духовной эво-

люции: мы, люди, в будущем должны занять наше место в небесах как Боги планет. Регенты галактик, властители Огненного Тумана (Fohat). Этот хилиастический образ дополняла психологическая потребность принадлежать необозримому космическому порядку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.